

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры государственного и муниципального управления

Кандидат исторических наук, доцент

mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

В начале XX в. Россия вступила в период, когда государственное и административное управление царского самодержавия проводило свои юбилейные празднества. Наиболее известным становится 100-летний юбилей Государственного Совета. В 1901 г. известный художник И. Е. Репин получил государственный заказ написание картины, посвященной этому юбилею. Николай II демонстрировал дальневосточную политику в окружении «безобразовцев». На их пути стоял министр финансов С. Ю. Витте, против которого началась целенаправленная кампания по его дискретизации в глазах, как общественности, так и государя. Основная борьба произошла между министром финансов С. Ю. Витте и министром внутренних дел В. К. Плеве, так называемая «битва экономиста и администратора». Витте не устоял перед изощренными средствами борьбы против него. Николай II объявил Витте отставку в пятницу, 16 августа 1903 г., когда ничего не подозревавший Витте приехал водным путем к царю в Петергоф на Всеподданнейший доклад.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Заседание Госсовета 7 мая 1901 г., парадокс Репина, слухи, Яхт-клуб, «Табель о рангах», Матильда Ивановна Витте, «заговор», В. К. Плеве, кн. В. П. Мещерский. С. В. Зубатов, А. А. Лопухин, отставка С. Ю. Витте 1903 г.

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolded

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management

PhD in History, Associate Professor

mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

At the beginning of the XX century Russia has entered when the public and administrative management of imperial autocracy held the anniversary festivals. 100-year anniversary of the State Council becomes the most known. In 1901, the famous artist I. E. Repin has received the state order for writing of the picture devoted to this anniversary. Nicholas II showed the Far East policy in an environment of «bezobrazov's». The Minister of Finance S. Yu. Witte against whom the purposeful campaign for his sampling in eyes, both the public, and the Sovereign has begun got in their way. The main fight has happened between the Minister of Finance S. Yu. Witte and the Minister of Internal Affairs V. K. Plehve, so-called «fight of the economist and administrator». Witte has not resisted sophisticated means of fight against him. Nicholas II announced Witte resignation on Friday, August 16, 1903 when nothing not suspecting Witte has arrived the waterway to the tsar to Peterhof on the Loyal Report.

KEYWORDS

meeting of the State Council on May 7, 1901, Repin's paradox, rumors, Yacht-club, «Table of ranks», Matilda Ivanovna Witte, «plot», V. K. Plehve, prince V. P. Meshchersky. S. V. Zubatov, A. A. Lopukhin, S. Yu. Witte's resignation in 1903

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2016: № 3. С. 166–183; № 9. С. 159–171; № 10. С. 173–184; № 11. С. 149–163.

1901 г. был насыщенный всякого рода юбилеями — праздновали вековое столетие многие министерства. По высочайшему указу государя 7 мая утверждено было провести юбилейное заседание Государственного совета, учрежденного по велению императора Александра I 30 марта 1801 г. [5, с. 104–105; 6, с. 108–110].

Государственный совет как высший законосовещательный орган с момента своего создания формировался из опытных высших сановников — бывших министров, сенаторов, других государственных деятелей, то есть состоял из благонамеренного собрания лиц и их список составлялся по назначению короны. Госсовет существовал при правлении четырех императоров — Александра I, Александра II, Александра III и Николая II. Безусловно, каждая эпоха вносила свои коррективы в его деятельность. Как известно, Александр III в отличие от своего отца не придавал Госсовету большого значения, а его наследник Николай II пошел еще дальше: Госсовет из органа, помогающего правительству и утверждающего законы [6, с. 109; 11, с. 45], был превращен в почетную ссылку для многих министров и других государственных деятелей. В свое время С.Ю. Витте смог обойти Госсовет и не утверждать указ царя о золотом стандарте на его заседании, что позволило провести без особых бюрократических проволочек денежную реформу. По понятным причинам, Госсовет к этому времени уже не пользовался благоволением со стороны Николая II.

Несмотря на это коронная власть решила 100-летию Государственного совета придать государственный характер и увековечить юбилейное заседание на полотне, пригласив для этой цели известного художника-портретиста И. Е. Репина («Заседание Государственного совета» (1901–1904), Санкт-Петербург, Русский музей). При этом Репин посредством художественных средств фиксирует сцену, где действующие лица или расставлены, или рассажены (у каждого определенное место в этой пьесе). На всех героях дня отличительные знаки и торжественно сияют декоративные чиновничьи мундиры высших сановников Российской империи. Все замерли в ожидании приветственных речей, но никто никого не приветствует (в этой атмосфере витает настроение, близкое к иронии или насмешке). Показательно, но образ С.Ю. Витте передан Репиным в картине вполне реалистично. На этом заседании Витте присутствовал в качестве министра финансов. Именно в соответствии со своим действующим статусом Витте не попал в первый ряд почтенной чиновничьей верхушки страны. Композиционно министры в соответствии Табеля о рангах расположены в третьем разряде: министр финансов С.Ю. Витте поставлен между министром путей сообщения кн. М.И. Хилковым и министром иностранных дел гр. В.Н. Ламздорфом. Думается, Витте оказался в этой компании не случайно: с Хилковым он постоянно по пятницам (1895 г.) с личными докладами присутствовал на приеме у государя¹, а гр. Ламздорф был протее и союзник Витте. Совершенно очевидно, что художник пишет портрет С.Ю. Витте с большим уважением и относится к нему не только как к видному государственному деятелю [9, с. 460–461; 8], но и к человеку историческому. Лицо Витте озарено лучами золотой вставки на мундире высшего сановника Российского государства, а сама фигура Витте выгодно помещена между двумя колоннами (левая сторона картины), причем она развернута так, что зрителю видна его отстраненность от происходящего действия за торжественным столом. Репин изображает в лице Витте напряженность, но пронизательно умные глаза указывают, что он разочарован в мероприятии, однако глубоко уважает традиции. В картине И.Е. Репина живописно подчеркнуты различия министра и императора: Витте — дворянин, самоуверенный

¹ По записям в дневнике императора упоминаются доклады Витте и Хилкова за 1895 г. 5 раз (27 января, 24 февраля, 10 марта, 17 марта, 31 марта). См.: Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 57–120.

и мужественный, нет, не с манерами купца, как его образ исторически рисуется недоброжелателями. Репин подчеркнул не столько его самодостаточность, сколько уловил хрупкость состояния души и одновременно его непокорность. Витте сам осознавал, что не обладает эластичным «я», как другие министры, которые легко соглашались с государем в своей работе [3, с. 246]. Что касается образа Николая II (правая сторона картины), то в его портрете имеется простота величия и одновременно неудовлетворенность собой. Но есть еще совершенно небольшой штрих — безучастное состояние души царя. Министр и государь по Репину являются антиподами, они из разных миров.

В глубине залы за столом во главе бюрократии — около 100 членов высшего органа Российского государства — сидят шесть великих князей, рядом с ними молодой император. Николай II в руках держит лист текста приветственной речи или указ о награждении членов Государственного совета юбилейными медалями. Кажется, что государь должен зачитать или передать его госсекретарю В. К. Плеве, который стоит спиной к зрителю, но лицом к столу, ожидая указания от императора. То есть мизансцена выстроена так, что Плеве (будущий министр МВД и противник политики Витте) в исторической картине оказался безликим. И еще, за торжественным столом вполоборота развернута фигура в.к. Владимира Александровича (президент Академии художеств), по левую руку расположен в.к. Михаил Николаевич (председатель Госсовета). Репинская правда состоит в том, что во всей праздничной атмосфере на Олимпе русской власти скромная простота представителей Дома Романовых не идет в сравнение с ее стоглавой бюрократической элитой (так называемой геронтократией). Когда смотришь на происходящее, то замечаешь, что в зале заседания господствуют всеобщая парадность и официоз, но отсутствуют искренность и правдивость совместного взаимодействия. Парадокс Репина заключался в том, что парадная помпезность заслонила правду человеческих отношений между верховной властью и ее политической элитой. И непонятно, то ли бюрократия стесняет династию, то ли династия с геронтократией исторически уже обречена, но вместе они олицетворяли давно минувшие времена.

Эта позиция Репина совпадает с чувствами непосредственных участников памятного заседания. Так, В. И. Гурко, находившийся в числе членов стоглавой бюрократии 7 мая 1901 г., подтверждает, что носитель верховной власти России Николай II прибыл в Мариинский дворец, молча «прошел непосредственно в зал собрания, где тотчас его открыл». В мемуарах он фиксирует, что государь за то недолгое время (не более 30 мин.), которое было отведено заседанию, показал полное хладнокровие к почтенным старцам, которые прослужили отечеству честно и верно. В ярко освещенной зале, при множестве придворных форм высокопоставленных сановников России не прозвучало «никаких речей, никаких взаимных приветствий. В зале царило какое-то томительное молчание» [3, с. 246].

Новость о заседании Госсовета стала обсуждаемой и в салонах Петербурга. В дневниковой записи городской летописицы А. В. Богданович (со слов Старицкой) отмечено, что торжественное заседание Госсовета было далеко не торжественным. Все были удивлены поведением Николая II: оказывается — царь на этом заседании не вымолвил ни слова (запись 10 мая 1901 г.) [2, с. 262].

Конечно же, взгляд Витте на политический маскарад не мог не привлечь художника: они оба в картине запечатлели объективность немой сцены, происходящей в зале заседания Государственного совета. Интересно, император накануне этого знаменательного дня отмечал свой очередной день рождения — 6 мая 1901 г. Николаю II исполнилось 33 года.

После 5 лет правления Николая II, при которых его действия и политика не были убедительными и самостоятельными, ситуация, наконец, с 1899 г. стала меняться. В его стиле правления, наконец, зарождается стремление следовать прин-

ципу своего августейшего отца, восстанавливая престиж неограниченной власти¹. Он увлечен идеей создания своего государства, подобного империи Александра Македонского. Не случайно у него возникла «большая азиатская программа»². Равным образом для Николая важно было быть не иллюзорным императором, а соответствовать мощи самодержца [6, с. 35]. Не обостряя с окружающими отношений, он искренне верил тому, что настанет время, когда сможет самостоятельно осуществлять самодержавное правление. Впрочем, как государственное лицо царь полагал, что для этой цели важно выработать иммунитет независимости.

«Виттевская» империя бюрократии являлась весьма успешной и авторитетной: в ней рождались не только реформы, но и вся политика российской державы. Император чувствовал себя перед Витте не столько «мальчишкой», сколько связанным его диктаторством. Возможно, наступил такой момент в их отношениях, когда Николай II смог наконец осознать свое «я» и освободиться от монополии Витте в политике. Так что же могло сломить нерешительность самодержца и подтолкнуть к отставке самого успешного министра в его правительстве?

Государь-император, получив министра финансов С. Ю. Витте «по наследству», с раннего возраста душевно не состоял в гармонии с активным и грубым министром. Впрочем, положение Витте стремительно падало, поскольку Николай II открыто демонстрировал свое покровительство тем, в ком видел возможность реализовать свои мечты — противодействовать Витте. В 1901 г. Витте собирался в целях инспекции поехать на Дальний Восток, но царь по определенным причинам не разрешил ему осуществить командировку. Этот отказ был тревожным сигналом для всемогущего Витте. Впервые он не смог отстоять свой замысел перед царем. В письме к Д. С. Сипягину он пишет об усилившемся положении А. М. Безобразова — сидит возле государя часами, рассказывает всякую всячину или эфемерные планы. Государю внушают, что необходимо в корне переменить политику финансовую, а как изменить — никто не знает. Изливая свои переживания и невозможность изменить положение дел, Витте с пессимизмом, но вполне здраво расставляет акценты на том, в чем вменяет ему в вину окружение царя. Он указывает, что на его спину валият земства, а заодно уничтожение самостоятельности России; его винят в том, что он хочет отделить государя от народа, а власть передать чиновникам, то есть министрам. Но главная обида, которая прорывается в нем, заключена в том, что государь ему ничего не говорит, даже тогда, когда он делает ему доклады. Витте подчеркивает, дескать, отбарабанит и баста, никаких разговоров, только какое-то смущение. Вместе с тем он определил причину, по которой не поехал на Дальний Восток. Это был один и тот же источник, который наговаривал на него государю — «безобразовский» кружок (12 июля 1901 г.)³.

Сквозь тернии С. Ю. Витте приходилось пробираться не только на государственной службе, но публичность деятельности затрагивала и его личную жизнь. В. И. Гурко отмечает, что в частной жизни Витте проявлял такую же широту, как и в государственной деятельности. Но это происходило от безысходности. Витте был человеком, который тратил большие суммы денег, так как они не являлись целью его жизни, а лишь необходимым средством, ведь он был не в том положении, чтобы стесняться себя [6, с. 77].

Как известно, после бракосочетания многие годы супруги Витте были *persona non grata* в обществе. В факте его любви существовало два преступления для высокого ранга чиновника. Как было отмечено ранее, он не имел права жениться на

¹ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939. Т. 1. С. 155.

² Там же.

³ Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину (1900–1901) / Красный архив. Т. 5 (18). М.; Л., 1926. С. 45–46.

разведенной женщине, к тому же его возлюбленная была еврейка. Несмотря на то что Александр III евреев не любил и не скрывал этого, он благословил брак Витте, простив даже скандальную историю о выкупе им своей возлюбленной у ее официального супруга Лисаневича за 20 тыс. руб. Поскольку Витте знал, что нарушил этикет, существующий для сановников, он в соответствии с дворянской честью сразу же подал в отставку. Александр III не принял отставку Витте из-за его скандальной женитьбы, поскольку Витте был любимым министром Александра III. Однако императрица Мария Федоровна, покровительствуя Витте, холодно кланялась с его супругой Матильдой Ивановной и не принимала ее при императорском дворе. После смерти Александра III скептическое отношение к супругам Витте не изменилось, лишь усилилось. Следом за вдовствующей императрицей Александра Федоровна — юная супруга Николая II — не позволила Матильде Ивановне Витте присутствовать на приемах при дворе, где существовал жесткий отбор, и никто не мог быть приглашенным, если не попадал в так называемую «трехклассную аристократию» (см. «Табель о рангах»).

Но весьма тактичная и любящая жена, чтобы ее муж не страдал по этому поводу, проблему решила изящно, польстив амбициям и тщеславию мужа. Матильда Витте открыла двери в своем доме для всех и стала проводить роскошные балы, устраивать великолепные завтраки и обеды, приглашая к себе высший свет Петербурга. Семья тратила большие суммы на проведение балов. Пренебрежение к себе высшего света Матильда Ивановна смогла обратить в свою пользу — сам высший свет прибывал в ее дом. Ей казалось, что тем самым были сняты напряжение и злоба, возникающие у Витте против двора и высшего света. Что касается императорского двора, то Витте по «Табели о рангах» лично мог присутствовать на приемах, но без супруги. Наперекор несправедливости, которая существовала при дворе, он категорически отказался от света, чтобы не ущемлять своего и своей любимой жены человеческого достоинства. А. А. Мосолов подтверждает, что если Витте при дворе терпели по необходимости, то его супругу совсем не принимали. Он объясняет, что та сложная ситуация, в которую попали супруги Витте, бесспорно, могла вызывать у них не только болезненность личного самолюбия, но и озлобленность к светскому обществу. Мосолов передает те впечатления, которые обсуждались в окружении императрицы и в дипломатических кругах по поводу «демонстративно пышных приемов» в особняке у супругов Витте. Но парадоксально в этом эпизоде то, что те гости, которые бывали на балах у супругов Витте, одновременно являлись и членами Яхт-клуба, где фабриковались различного рода слухи о Витте. Как говорили, их приемы, где присутствовали и многие великие князья, «делались лишь с целью подчеркнуть алчность и беспринципность высших кругов петербургского общества». Со своей стороны, Мосолов лично приписывал Матильде Ивановне Витте лишь тщеславное желание — выявлять свою популярность в кругах высшей знати. Не отступая от традиций, великосветский Петербург Николая II одновременно лавировал и уклонялся от правил этикета, продиктованных «Табелью о рангах», когда в этом существовал скандальный резон или личные выгоды.

Примечательно, что Матильда Ивановна Витте в 1902 г. предприняла новую попытку в целях изменения своего положения в обществе, написав письмо царице-матери с ходатайством, чтобы ей было дозволено представить царице свою дочь. Матильда Витте пыталась тронуть чувства царицы-матери, объясняя, что для ее дочери тяжело не иметь разрешения быть во дворце. Не исключено, что письмо писалось с согласия самого Витте, хотя он сам утверждал, что не знал о существовании этого письма. Однако становится очевидным, что, прождав некоторое время и не получив ответа, Витте через неделю выхлопотал аудиенцию у Марии Федоровны. На аудиенции прозвучал поток слов в извиняющейся тональности. Он сообщил,

что про письмо жены только что узнал, дескать, он глубоко расстроен, что она решила его написать, а если бы он знал, то никогда бы этого письма не допустил. Что это? Ложь во имя блага любимой жены. Пожалуй, самым болезненным вопросом в семье Витте оставался вопрос признания брака Витте с Матильдой Ивановной. Витте, не скрывая свою боль, тут же наивно спрашивает: неужели никогда его жене не будет дозволено представиться царице (имелось в виду предстать перед Александрой Федоровной). На что в ответ услышал по-французски: «Jamais, c'est la volonté de l'empereur». Это выражение прозвучало как приговор: «Никогда, это воля императора». Этот эпизод А. В. Богданович записала со слов В. А. Грингмута — редактора газеты «Московские ведомости». Однако Богданович тут же отмечает, что Мария Федоровна «свалила с больной головы на здоровую», что в действительности «все это настоящие мелочи, но как они заставляют страдать самолюбие» (запись 8 января 1902 г.) [2, с. 275–276].

В начале 1902 г. настроения в обществе нагнетались убийством Д. С. Сипягина (министра внутренних дел). Впрочем, приват-доцента Б. В. Никольского в эти дни интересовали не только подробности убийства Сипягина. Он коротко в дневнике сообщает, что над Витте сгущаются тучи, говорят, теперь угрожают и ему (запись 9 апреля 1902) [10, с. 572]. Слухи нагоняли страх на Петербург, ими были охвачены все слои общества.

Весной 1902 г. А. С. Суворин подтверждает, что Витте находится в подавленном состоянии, совсем как «мокрая курица». В разговоре с ним Витте поделился мыслью, что если был бы приличный повод, то уже сейчас бы ушел в отставку (запись 13 апреля 1902 г.) [12, с. 349]. С пессимизмом к власти живет вся интеллигенция. В августе обсуждается циркуляр министра народного просвещения Г. Э. Зенгера, в котором были изменены правила приема в высшие учебные заведения, в том числе процентные нормы для евреев. Б. В. Никольский полагал, что на министре надо ставить крест, а циркуляр вызовет еще более жестокие беспорядки. Он в дневнике записывает оригинальный оксюморон, когда на русском престоле «ничтожество царствует», то повсюду «царствует ничтожество» [10, с. 595, 699]. И по-прежнему он ностальгирует по былым временам. Образно пытаясь выразить потерю Александра III, он пишет, что уже как 8 лет смерть императора сослала его душу на каторгу (запись 16 августа 1902 г.) [там же]. Смерть одного и царствование другого вместились в оценки политических событий, вызывающих у Никольского лишь сожаления и неуверенность в собственном существовании.

В 1902 г. после убийства Д. С. Сипягина министром внутренних дел был назначен В. К. фон Плеве. Во всех кругах консервативного толка его приход приветствовали, в частности, посетители политического салона К. Ф. Головина, рассматривали его появление в правительстве как симптом падения Витте. Некоторые даже задавались целью составить записку, посвященную разбору экономической политики (Витте) и выразить свои *desiderata* (лат. — пожелания), предназначенные Плеве [6, с. 284].

В течение 1902 г. ведомство Витте стало распадаться, теряя свои позиции в Правительстве. Николай II и «безобразовцы» постепенно отщипывали от Министерства финансов те заведения и учреждения, которые составляли мощь его власти. А. С. Суворин подчеркивает, что Витте уступил в. к. Александру Михайловичу морскую торговлю, Министерству просвещения — учебные заведения, а к Министерству внутренних дел В. К. Плеве отошел фабричный надзор (запись 5 декабря 1902 г.) [12, с. 359].

Поездку на Дальний Восток Витте совершил лишь в июле–сентябре 1902 г., и вынес «пессимистическое впечатление», решив, что дальневосточная политика проиграна и России придется идти на уступки Японии. Всепопдавший доклад государю Витте составил в октябре, то есть за 16 месяцев до войны и за 12 ме-

сяцев до своей отставки. Государь не согласился с пессимистическими выводами Витте на азиатскую политику, которую считал «задачей своего правления»¹.

Следом за Витте государь послал на Дальний Восток своих «разведчиков» (он всегда перепроверял донесения чиновников), среди которых был статс-секретарь А. М. Безобразов (май—август 1903 г.), А. Н. Куропаткин (май—июнь 1903 г.).

Идея войны стала постепенно материализоваться в реальность. К тому же группа Безобразова укреплялась новыми именами. Особую силу придавал примкнувший к ней министр внутренних дел В. К. Плеве, который предложил провести «маленькую победоносную войну» с Японией, якобы для того, чтобы отвлечь народ от революционного движения. Плеве был ярым противник политики Витте, борьба между ними длилась с 1902 по 1904 гг., т. е. до трагической гибели министра внутренних дел. В чем же была причина их разногласий? Прежде всего, борьба между политиками обострилась на уровне личных свойств — оба были по своей природе властолюбивыми чиновниками и только затем выделялись их различия в политических взглядах на способы развития общественной жизни. На чем же Плеве «потопил» Витте в глазах государя? Этот вопрос интересовал свидетеля тех событий В. И. Гурко. По истечении некоторого времени, он пришел к выводу, что наиболее вероятным стала неумная деятельность Витте по защите многочисленных сельскохозяйственных комитетов, которые в этом случае потребовали бы дополнительных выплат из казначейства Министерства финансов. Чего же хотел добиться «умный» Витте, когда защищал эти комитеты? Прежде всего учредить по количеству 482 комитета, так называемые учредительные собрания, и предоставить им самостоятельный выбор состава, а главное — они должны были предоставлять с мест общественное мнение провинциального общества. С министром Витте произошла явная метаморфоза: то, на чем погорел И. Л. Горемыкин в длительной полемике с ним о земских учреждениях в так называемой «битве докладов», теперь сам Витте выдвигал идею образования уездных сельскохозяйственных комитетов в целях получения свода ответов по опросам провинциалов. На тот момент было опрошено 11 000 лиц и составлено из них 18 объемистых томов, которые, к сожалению, никто не читал [6, с. 272–273]. Видимо, Витте находился в поиске новых форм в управлении, связывая их с политическим решением о благоустройстве земской жизни. На него влияли неославянофильские взгляды А. Д. Оболенского и М. А. Стаховича об установлении самодержавия в диалоге с местным самоуправлением. Сложность в том, что эти комитеты должны были существовать наравне с земскими учреждениями. Витте запутал всех, в том числе и себя. Но Витте в одном был прав, понимая задачи центральной власти: править можно только издали, а управлять хорошо лишь вблизи (как у Милля). Того не ведая, в начале 1902 г. Витте все более склонялся к либеральным идеям, они становятся его политическим ориентиром. Разумеется, это было бы первым шагом Витте к тому, чтобы центральная власть могла поделиться частью своих полномочий в целях достижения и реализации национальной идеи самоуправления на уровне земских уездов. Поскольку Витте плохо ориентировался в русской глубинке, то он придавал большое значение тому, что с мест можно услышать нечто новое о провинциальной жизни, ему неведомое. Не получив от опроса членов уездных комитетов нужного результата, он навредил лишь себе. Вся ответственность за невыполненную работу была возложена на него и Плеве легко смог по запутанному делу вызвать у государя предубеждение к Витте [там же, с. 269, 271–272].

В свою очередь, из страха потерять Витте навсегда, Николай II делал отсрочки и не решался объявлять ему отставку, загоняя неприязнь к нему глубоко внутрь себя. Уже то, что Витте вел самостоятельную политику, являлось достаточным по-

¹ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 217.

водом для его отставки. Что же могло останавливать Николая II перед его отставкой? Николая II не смущало, что Витте был из административной школы августейшего отца, он уже был свободен от этих предрассудков. Сдерживающим фактором являлись царица-мать и, как ни парадоксально, сам Витте. Вдовствующая императрица постоянно вмешивалась в вопросы назначения и снятия с должности тех или иных кандидатур. Зная о том, что она покровительствует Витте, он до поры до времени не трогал его. Что касается Витте, то он держал царя ожиданиями в получении зарубежных инвестиций, его авторитет за рубежом был непререкаем. Независимо от того, что Витте знал о своем шатком положении, он опрометчиво, как при династическом кризисе, идет ва-банк. Витте в одиночку противостоит политике Николая II и его фавориту А. М. Безобразову.

Будучи противником войны с Японией, Витте, так или иначе, не смог устоять перед мощной «безобразовской» коалицией. «Партия войны», вопреки предупреждению Витте о невозможности вступать России в войну, продолжала проводить агрессивные действия, затрагивая ими интересы Японии. Безусловно, Николай II спрятался за оппонентами Витте, новое окружение царя делало из него так называемого «Хозяина». Николай II среди них не чувствовал себя неудачником, как это происходило при Витте. Иначе говоря, кто кого подталкивал к решительным действиям — царь или его окружение, суть не в этом. В общем, на алтарь «безобразовского кружка» в лице Витте легла священная жертва, брошенная Николаем II.

В конечном итоге в условиях войны Китая и Японии, а затем войны России и Японии (1904–1905) КВЖД была изолирована и активно эксплуатировалась японцами против русской армии. Пожалуй, Витте, как и все из окружения императора, «заигрались» в своих интригах и неосмотрительно втянули Россию сначала в китайско-японские дела, а затем косвенно подключили к ним Францию и Германию, что негативно сказалось на отношениях между Россией и Японией, которая после захвата Ляодунского полуострова и Порт-Артура увидела в России своего врага.

Несомненно, дальневосточный вопрос стал камнем преткновения в отношениях Витте со многими критиками его программы. Так, в. к. Александр Михайлович (Сандро) выступал не только против привлечения иностранного капитала в промышленное развитие страны, но и поддерживал «безобразовцев», которые упрекали Витте в том, что он на Дальнем Востоке также привлекает иностранный капитал. На самом деле это был капитал казенного происхождения, а Сандро по настоятельной просьбе Ники (Николая II) наконец принял предложение встать во главе дела по эксплуатации лесной концессии на р. Ялу. Силы «безобразовцев» укреплялись на Дальнем Востоке. Правда, Сандро вскоре в 1902 г. отказался участвовать в авантюрной политике на р. Ялу. Как правило, он всегда покидал тех, с которыми участвовал в деле, боясь принять на себя груз ответственности (такое поведение Сандро наблюдалось при династическом кризисе в 1900 г.). Так или иначе, в народный список виновников случившейся войны с Японией наравне с Витте попал и Александр Михайлович [4, с. 200–201]. Ранее акцией против Витте был «Отчет об экспедиции в Северную Корею» 1899 г., составленный В. М. Вонлярлярским (пом. статс-секретаря). В отчете он представлял Витте в качестве единственного виновника провала дальневосточной политики и в целом государственного банкротства¹. Вскоре он продолжил атаковать Витте через общественность. В типографии А. С. Суворина, известного издателя «Нового времени», Вонлярлярский издает книгу «Забывтая окраина», тесно начинает общаться с министром внутренних дел В. К. Плеве. Действуя совместно, они выступили с критикой Витте, непосредственно обвиняя его в дезинформации царя [1, с. 130–131].

¹ Вонлярлярский В. М. Мои воспоминания: 1852–1939. Берлин, 1938. С. 144, 150–151.

Главной версией в отставку выдвигался конфликт Витте с министром внутренних дел В. К. Плеве. Борьба Плеве и Витте была настолько неприкрытой, что Витте знал о существовании досье на него у Плеве. Как известно, царь мог играть на противоречиях своих министров, наблюдая за их борьбой. Возникает вопрос: это случайность или закономерность, когда министры ведут смертельный поединок между собой за влияние на царя? Если в «битве докладов» между Витте и И. Л. Горемыкиным царь был простым наблюдателем и в той борьбе он был на стороне Витте. Разгар борьбы пришелся на 1902–1903 гг., когда два государственника, администратор Плеве и экономист Витте, вели полемику о роли промышленности и земледелия в развитии страны. Экономист Витте вел линию на развитие мощной промышленности в земледельческой стране, не усиливая ее крестьянский потенциал. Плеве, наоборот, усиливал внимание к земельному дворянству, не понимая, что оно не сможет удерживать рост покупательского рынка и должно будет уступить рынок продуктам конкурентно способным не только на внутреннем, но и внешнем рынке. Витте выступал за развитие торгово-промышленных связей с западным рынком посредством индустриализации и создания промышленно-рабочего класса, а Плеве устраивал земледельческий класс, то есть консервативный остов страны [6, с. 248–249],

В данном случае борьба шла не на жизнь, а на выживание, лишь с той разницей, что против Витте выступал не только министр внутренних дел В. К. Плеве, но и царь. Николай II уже давно стремился освободить от должности Витте, это желание возникло до назначения Плеве министром. Что касается Плеве, то, придя к министерской власти, он с чувством болезненного страха думал, что Витте стремится занять его кресло. Страх Плеве воплотился в содержании подложного письма. Когда Плеве примкнул к «безобразовской» клике, а по существу возглавил ее, царь и Плеве в полном смысле дышали в спину Витте, для обоих он являлся невыгодной фигурой. Царь делился своими раздумьями с министром Плеве, а тот знал, что царь готов дать отставку Витте. А тут такой случай!

В январе 1903 г. Витте сам просит отставки, он уже предвидел развитие ситуации вокруг себя. Вполне вероятно, что Витте знал о своей отставке, подготовленный В. К. Плеве указ о его отставке был датирован 1 января 1903 г. Но Витте опережает и Плеве, и Николая II, создавая нестандартную ситуацию. Государь на тот момент не был готов принять отставку Витте, да еще по его собственной просьбе. Конечно же, определенную роль сыграло и ходатайство за Витте вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая все еще не сдавала свои позиции и пыталась воздействовать на выбор сына в назначении министров. К тому же Витте получил неожиданную поддержку и со стороны в. к. Михаила Александровича [7, с. 104]. Благодарный ученик отстоял на короткий срок репутацию своего учителя перед Николаем II. Но имеются и другие веские обстоятельства, из-за чего отставка Витте не состоялась. Она могла бы иметь резонансное общественное мнение и разрушить далеко идущие планы Николая II в дальневосточной политике. Во всяком случае время Витте все еще «не истекло», но уже было на исходе.

Переживания личной драмы и натиск «безобразовцев» снизили порог ответственности Витте. На этом фоне в январе 1903 г. по просьбе царя и, возможно, в знак благодарности, что отставка не состоялась, он открывает на имя Безобразова кредит в 2 млн руб., с характерной персонифицированной формулировкой — «на известное Его Императорскому Величеству употребление». Витте определенно не осведомлен, для каких целей предназначены эти деньги, но догадывается, оставляя за собой право на соответствующую подпись, чтобы снять с себя всякого рода обвинения. К этой сумме, полученной от Витте, были присовокуплены еще ассигнования из Кабинета его величества в виде безвозмездной субсидии в размере 250 тыс. руб. Все деньги, как и дальневосточные дела, попали в бесконтрольное распоряжение Безобразова [6, с. 320–321].

Витте ожидал увидеть в наследнике Александра III «правильного правителя», а приходилось приспосабливаться и идти на риск, практически уже не действовали «заветы» августейшего отца, на которые ссылался Витте. Николай II все более становился самостоятельным и не нуждался в рекомендациях Витте. Но чем больше Николай II стремился показывать себя повзрослевшим, тем более становился податливым различному роду авантур, а соответственно все шло к разрушению отношений между Витте и Николаем II. Очевидно, что не только Витте наблюдал за Николаем II, но и государь император ревностно относился к тому, что рост авторитета Витте порой превышал его личный. На кону у обоих стояли национальная вера, национальное государство и народ, как русская нация. К сожалению, Николай II оказался в плену мелких амбиций, проявляя к Витте свое недоверие.

Весною 1903 г. отставка Витте не только предрешена, но о ней был осведомлен Плеве. В голове у государя отставка Витте звучала как навязчивая идея и отнимала много времени, заставляя его эмоционально напрягаться, даже тогда, когда он присутствовал на каких-либо мероприятиях. Государь поделился с министром Плеве своими переживаниями. Утверждаясь в правоте своего решения, государь озвучивает свое решение, подтверждая, что оно было принято окончательно во время молебна (то есть «свыше» был дан голос), когда в его присутствии на воду спускали боевое судно. Очевидно, император последнее слово все-таки оставил за собой — отставка была перенесена на осень [там же, с. 275]. Но до осени происходят некоторые события, которые подталкивают Николая к быстрой отставке Витте.

Бесспорно, Витте видит пагубность влияния Безобразова и его компании на политику царя и скатывания страны в катастрофу. В этой связи он обращается к кн. В.П. Мещерскому, чтобы тот написал царю записку с предупреждением об опасности проводимого курса, дескать, Николай II ведет себя двусмысленно, скорее по-ребячески. В ответной записке кн. Мещерскому царь таинственно намекает на его предупреждение о якобы пагубном влиянии Безобразова, предупреждая его, что многие «6 мая увидят, какого мнения по этому предмету я держусь» [3, с. 239]. Ни кн. Мещерский, ни Витте не догадывались, что могло бы произойти 6 мая. Возможно, то, что произошло 6 мая, стало тактически верным шагом со стороны государя. Прежде чем отправить Витте в отставку, царь, вероятно, решил усилить свои позиции перед собственной бюрократией, возвышая свое «бестолковое» окружение новыми привилегированными назначениями. И так, 6 мая 1903 г. царь произвел два назначения: А.М. Безобразов был определен в статс-секретари, на государственную должность, равную по рангу министру, с вытекающими для этой должности полномочиями представлять полуофициальные доклады царю, а близкий сотрудник А.М. Безобразова К.И. Вогак в виде исключения был пожалован в генералы свиты его величества. Кроме того, следующее назначение произошло 30 июля 1903 г.: царь произвел Е.И. Алексеева в полные адмиралы и создал для него новую административную структуру — «наместничество» с выполнением соответствующих функций наместника дальневосточного региона. Министр финансов Витте и министр иностранных дел гр. Ламздорф, как и другие министры (за исключением Плеве), об этом назначении узнали при чтении утренних газет [там же]. С этого момента Безобразов приобретает большое влияние на Дальнем Востоке. По существу то, что не удалось П.А. Бадмаеву — протащить идею «наместничества» в целях вытеснения Витте из дальневосточной политики, сделал Безобразов и его компания.

Отставка С.Ю. Витте произошла раньше, чем была намечена. Николая II окончательно к этому решению могло бы привести лишь нечто сверхординарное. Словом, им стал так называемый «заговор» против министра В.К. Плеве с участием редактора консервативной газеты «Гражданин» кн. В.П. Мещерского, министра финансов С.Ю. Витте и жандармского полковника С.В. Зубатова, о существовании

которого царю сообщил В. К. Плеве. Бросается в глаза тот факт, что Плеве изначально знал о пресловутом «заговоре», а возможно, был причастен и к его появлению.

Существуют три версии одного события, в центре которого раскручивалась политическая интрига с участием имени С. Ю. Витте: «виттевская» — в ней отсутствует интрига участия Витте в каком-либо заговоре, «лопухинская», утверждающая о существовании заговора с главными действующими лицами Витте—Мещерский—Зубатов и, наконец, «журналистская», изложенная известными журналистами.

Как известно, Витте и кн. Мещерский между собой взаимодействовали, их контакты состоялись еще в далеких 90-х годах. Витте снабжал кн. Мещерского различного рода информацией о правительственных заседаниях, что позволяло ему освещать деятельность Витте, ввиду того, что тот являлся редактором консервативной газеты «Гражданин». Соответственно, кн. Мещерский имел возможность через газету влиять на политический бомонд империи, а также состоял в тайных советниках у царя, имеющий свой тайный расчет узнавать из первых рук о настроении политической элиты столицы, чему способствовал политический салон правого толка кн. Мещерского.

Совершенно очевидно, что Витте, обладающий политическим инстинктом, не мог объединяться в «заговор» с кн. Мещерским. Напротив, Витте с большим недоверием относился к кн. Мещерскому, считая его беспринципным и до мозга костей безнравственным (из-за его интимных связей и покровительства молодым людям). Тем не менее, он посещал его салон, это было в порядке вещей политической жизни столицы. Суть встреч с Мещерским заключалась в том, что Витте обращал внимание на его дружбу с государем. Не исключено, что Витте использовал кн. Мещерского в качестве двойного агента, как и Клопова, чтобы иметь возможность любыми средствами осуществлять личное влияние на политику царя. Политическая игра, которую вел Витте, не считалась чем-то предосудительным, все протекало в порядке вещей. По мнению Витте, государь лично к нему питал «дурные чувства» и с предубеждением относился к тому, что он ему советовал. Витте указывает на тот факт, что все, о чем он предупреждал царя, всегда сбывалось. Царь, созная аргументацию Витте справедливой, оказывался в неловком положении перед ним, но вынужденно признавал, что Витте, как всегда, был прав [3, с. 371]. Политическая связь с Мещерским как раз была рассчитана на то, что можно было негласно влиять и контролировать действия царя. Главное, что устраивало Витте в этом альянсе: пользуясь услугами Мещерского, он мог сообщать царю нужные сведения.

Витте знал, что именно по просьбе Мещерского вопрос о назначении В. К. Плеве министром внутренних дел после убийства Сипягина решился положительно и Плеве был утвержден царем в этой должности [там же, с. 286]. Но вскоре Мещерский разочаровался в министре Плеве и неудовлетворительно смотрел на его полицейские меры, внедряющиеся в общественную жизнь. Именно поэтому он переметнулся к Витте.

Что касается Зубатова, то Витте было известно о его затеях в Москве со времен, когда Сипягин был министром внутренних дел и начал с ним бороться. Витте также был противником его полицейско-рабочих организаций и даже поддерживал фабричные инспекции, выступавших против зубатовских организаций. То есть Витте указывает, что заочно знал, кто такой Зубатов, но никогда до июля 1903 г. не видел его. Впервые Витте с ним встретился у себя в кабинете на приеме. Зубатов информировал Витте о том, что Россия бурлит, что революцию невозможно сдержать полицейскими мерами Плеве, что министра Плеве так или иначе убьют, он дескать уже не раз его спасал. Обращаясь к Витте, он, видимо, рассчитывал на сочувствие, поэтому предложил выступить вместе против В. К. Плеве. Весьма осторожно, но

прямым текстом Витте предупредил своего гостя, что у него есть право доложить министру Плеве о его приходе, но лучше, если он сам об этом ему сообщит [3, с. 218]. Вполне вероятно, Витте понимал, что приход Зубатова — это или отчаянное положение, или провокация. Витте показалось, что это посещение, скорее провокация. Ему было известно, что Плеве ценил Зубатова и передал ему всю секретную часть департамента полиции. В свое время, по высказыванию Плеве на вопрос Витте, кто на время отпуска Лопухина будет отвечать за спокойствие государства, Плеве ответил, что он все передал в надежные руки Зубатова [там же].

Да, интриговать, почему бы и нет, для Витте это не составляло труда, все чиновники грешили этим, чтобы выжить, но не более. Причем вступать с человеком Плеве в заговор против самого Плеве — это означало бы подписать себе приговор. В свое время Витте вышел из «Священной дружины» только потому, что методы борьбы с противниками царского режима противоречили его нравственным устоям.

Зубатов после холодного приема Витте поехал к кн. Мещерскому и то же самое пересказал ему, причем сообщил, что был у Витте и просил его вмешательства в недопущение мракобесной политики Плеве и изменении его политического курса. Как ни парадоксально, кн. Мещерский (трудно определить его намерения) сообщил Плеве о визите к нему Зубатова и разговоре Зубатова с Витте, а дальше через министра Плеве о заговоре становится известно царю. По мнению Витте, это и стало поводом устранения Зубатова с его места и даже ссылкой во Владимир [3, с. 218–219]. Витте выражал свое мнение о недопустимости применения полицейских методов Плеве, все более революционизирующих Россию. Плеве, понимая, что Витте на его пути будет главной помехой, решил его устранить. В борьбе с Витте он применил достаточно широкий арсенал средств, способствующих устранению Витте с должности министра финансов: нелепые доносы царю, возглавил и поддержал «безобразовскую» клику в борьбе с Витте. Весьма значимым приемом в борьбе с Витте оказались подложные письма от агентов-провокаторов из провинции, которые позволили сконструировать заговор «Витте-Мещерский-Зубатов». Витте в этом заговоре представлен был чуть ли не революционером, покушавшимся на священную для всех жизнь царя [3, с. 216–219; 285–287].

Кроме того, возникает вопрос: какую выгоду мог иметь Витте, если бы он вступил в заведомо провальный сговор? Неслучайно в воспоминаниях Витте нет намека на преднамеренные связи с Мещерским и Зубатовым. Витте, по сути, даже не знал, что находится в зоне «заговора» против министра Плеве и является третьим его участником. Именно поэтому не мог он написать, что был заговорщиком [3, с. 206–221]. Витте, как подобало государственнику, соблюдал правила и принципы государственной службы и не терял своей чести, чтобы объединяться с людьми сомнительной репутации. Так или иначе, когда произошла первая отставка, Витте сразу же уехал в Париж. Неожиданно по прибытии к нему пришел А. А. Лопухин, директор Департамента полиции при Плеве, чтобы узнать об увольнении Зубатова.

По описанию Витте, в большей степени его волновала не судьба Зубатова, скорее он интересовался, не передавал ли он Плеве, что Зубатов был у него, и то, о чем с ним говорили. Витте заверил Лопухина, что он ни Плеве и никому другому об этой встрече не говорил. Лопухина тревожил не только факт увольнения, но и формулировка, с какой был отправлен Зубатов в ссылку во Владимир.

Витте объяснил, что мотивом осуждения Зубатова явились его рабочие организации [там же, с. 285–286]. Причем эта формулировка, видимо, смутила Лопухина. Он конфиденциально сообщил Витте, что все рабочие организации делались с ведома и одобрения Плеве, более того, у него по этому предмету есть официальные резолюции [там же, с. 286]. Этим Лопухин как бы подтверждал то, что никто вслух не говорил: чтобы не осуществлялось в политической жизни, оно происходило с согласия или при участии Плеве. Однако Витте в разговоре с Лопухиным при-

держивался только официальной версии увольнения Зубатова. Витте не пытался вести с Лопухиным светский разговор, тем более ни о каком политическом «заговоре» не могло быть речи. Что же так могло беспокоить Лопухина? Как объясняет Витте, ему был задан единственный вопрос, не выдал ли он Плеве что-либо из разговора с Зубатовым, происходящем на злополучном приеме [там же, с. 285]. Как видно, того не желая, Лопухин подтвердил версию Витте, что Зубатов единожды встречался с ним, тем самым опровергая существование какого-либо заговора между Витте, Мещерским и Зубатовым. Что касается кн. Мещерского, то он не занимал официальных государственных должностей и Витте не имел с ним регулярных встреч. Видимо, у Лопухина он не вызывал интереса, зная. Политический интриган кн. Мещерский как прежде оставался в центре политической жизни.

Согласно Лопухину события 1903 г. протекали несколько в ином ракурсе, чем они описаны у Витте. Прочитывая у Витте указанные эпизоды, бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин в «отрывках из воспоминаний» пространно недоумевает по поводу их изложения, дескать они не соответствуют действительности. Именно поэтому он решил поделиться впечатлениями о заговоре, участниками которого являлись Витте-Мещерский-Зубатов. Причем заметим, что его сообщение о «заговоре» носит не личностный характер. Лопухин вникает в суть заговора как бы со слов В.К. Плеве. Из чего следует, что Лопухин формально только по названию определяет свои «воспоминания» воспоминаниями, однако у него нет никакой ответственности за достоверность передачи хода события¹. Итак, три заговорщика были противниками политики В.К. Плеве и стремились к быстрому его падению. Кроме того, один из них, Зубатов, являлся сотрудником Департамента полиции, которым руководил Лопухин. Настораживает тот факт, что директор Департамента полиции Лопухин находился в подчинении у Плеве. Таким образом, Плеве-Лопухин-Зубатов непосредственно служили в одном ведомстве, Министерстве внутренних дел, и подчиненность Лопухина и Зубатова министру внутренних дел В.К. Плеве очевидна. Парадокс заговора состоял в том, что появление интриги в немалой степени принадлежит самой полиции. Итак, к Зубатову каким-то образом попадает в руки перлюстрированное письмо из провинции, на самом деле сфабрикованное им же самим. В этом письме один верноподданный сообщает о настроении народа по поводу работы правительства другому верноподданному, объясняя, что только Витте может оградить Николая II от всяческих бед и прославить его царствование, если последний станет министром внутренних дел. Яркость интриги заключалась в дальнейших шагах кн. Мещерского: под видом «голоса народа» он должен был передать «перлюстрированное письмо» царю и уговорить его величество назначить Витте министром внутренних дел.

Князь Мещерский с приходом в министерство В.К. Плеве сблизился с ним (он рекомендовал царю его кандидатуру на пост министра), а его отношения к Витте охладели, когда он узнал, что Плеве начал проводить политику борьбы с Витте. Между тем, проявляя беспринципность, кн. Мещерский пытался сохранять отношения с обоими враждующими министрами. Буквально с весны 1903 г., после года министерства Плеве, кн. Мещерский охладевает к его политике. Восстанавливая отношения с Витте, князь открыто осуждает политику министра Плеве. Сведения о Плеве он получал от Зубатова, у которого на Плеве скопилось много обид за двойственность отношений к его рабочим организациям, и за личное к нему, Зубатову, высокомерное отношение². Дом кн. Мещерского превратился в конспи-

¹ Исследователи, как правило, упускают этот момент и рассматривают сведения А.А. Лопухина как личные, что снижает достоверность воспоминаний о заговоре с участием С.Ю. Витте.

² Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М., Пг., 1923. С. 71.

ративную квартиру заговора против министра Плеве. И Витте, и Зубатов посещали эту квартиру, но они не были знакомы. Прием Зубатова, который описывал в воспоминаниях Витте, по Лопухину не был случайным, он произошел якобы при посредстве кн. Мещерского. Лопухин подтверждает, что Витте прежде не был знаком с Зубатовым. Их авантюрный альянс состоялся только в процессе заговора¹. Несмотря на то, что Зубатов был автором политического сыска и знал методы конспирации, однако получилось так, что о заговоре стало известно из-за его неосторожности. Зубатов о перлюстрированном письме проговорился якобы своему другу — известному провокатору М. И. Гуровичу, а тот «копию письма» передал Плеве². Вместе с тем самый важный аргумент, против которого невозможно возразить, это то, что вдруг Лопухин осознается, что он был в курсе всех закулисных дел, а главное — о них знал и Плеве. Вероятно, в этом и есть суть издержек отрывков воспоминаний Лопухина.

Тем не менее Лопухин в 1903 г. почему-то боялся разоблачений. Об увольнении Зубатова и отставке Витте он узнал в Париже, здесь же, вскоре по приезде Витте, он посетил его с целью узнать, каким образом случилось увольнение Зубатова. Поскольку названные люди — Зубатов и провокатор Гурович — были люди жандармского ведомства и подчинялись ему непосредственно, а он в свою очередь — министру В. К. Плеве, возможно, он стремился скрыть от Витте свое участие в заговоре-фальшивке. Поэтому, чтобы его не заподозрили в чем-либо, прикрывая свое участие в нем, он решил узнать, не замешано ли в этом процессе его имя. Однако можно выдвинуть предположение, что Лопухин в этой истории играл не направляющую роль, хотя был в курсе всех этих закулисных маневров.

Однако на этом история не закончилась. К этому эпизоду, который описал Витте, у Лопухина в его «отрывках» имеется весомый компромат на Витте. Он пишет, что Витте находился в состоянии обиды, раздражения и даже злобы за получение почетного назначения. Более того, Витте, по его мнению, не пытался скрывать, что его объектом раздражения был Плеве. И не только он один. Лопухин объясняет, что когда речь зашла о царе, Витте облек ее в «двусмысленную форму»: дескать в руках директора департамента полиции находится жизнь и смерть каждого, в том числе и царя. Здесь возникает новый сценарий старого заговора, Витте якобы обращается к Лопухину с вопросом: «нельзя ли дать какой-либо террористической организации возможность покончить с ним». И далее Витте предупреждает Лопухина, что «престол достанется брату, а я, пользуясь фавором, могу оказать протекцию и тебе»³. Когда возник в 1900 г. династический кризис, Витте отстаивал законные права в.к. Михаила Александровича. Но в Ялте на заседании министров вопрос о престолонаследии решался согласно закону. Именно Витте в этом вопросе показал себя блюстителем правопорядка монархии, царь лишь подчинился этому правопорядку. Возникает вопрос: способен ли был Витте в корне изменить свои убеждения и превратиться через 3 года в грубого палача, противозаконно решая вопрос об убийстве законного царя, чтобы посадить на престол младшего брата, при этом бахвалясь, что он в «фаворе» у наследника? Лопухин не вполне адекватно пытается приписать Витте те качества, которых у него не было. Несомненно, в этом могла прозвучать собственная обида Лопухина за свое прошлое. Витте продемонстрировал в воспоминаниях насыщенную, полную неожиданных поворотов личную жизнь. У директора Департамента полиции А. А. Лопухина обостренное чувство своей неудавшейся жизни вызвало лишь зависть, когда он прочитывал страницы воспоминаний С. Ю. Витте. По всей вероятности, провинциалу

¹ Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний... С. 60–75.

² Клячко (Львов Л.). Повести прошлого. Л., 1930. С. 14; см.: [1, с. 135].

³ Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний... С. 73.

сложно было окунуться в такую яркую жизнь и сознавать, что твоя жизнь не имеет никакой значимости, что ты фигурируешь в чужой жизни как мелкий чиновник. Именно прочитанные воспоминания Витте побудили Лопухина создать некий миф о безнравственном и злобном Витте, с революционными наклонностями и жадной мести. Примечательно, независимо от дела по заговору у Лопухина имеются воспоминания личного характера, связанные с именем Витте. Они ассоциировались у него с громким уголовным «мамонтовским делом» и собственным восприятием личности Витте в должности министра.

Возникшее в 1899 г. «мамонтовское дело», когда он был прокурором московского окружного суда, привлекло его внимание с участием в нем Витте. История дела была связана с выдачей концессии Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, крупным акционером которой являлся Савва Мамонтов. Но утвержденная на заседании Госсовета концессия была отменена через несколько месяцев неожиданным решением С. Ю. Витте. Из следственных материалов стало известно, что директор Департамента железных дорог министерства финансов получил взятку, что позволило получить выгодную концессию дельцам Московско-Ярославской железной дороги. Лопухин на этом фоне пытается показать совершенно иной портрет Витте, как его рисовали на обывательском уровне. Витте действовал по закону с взяточниками, нанося им огромный материальный урон, лишив их выгодной концессии, а по суду владельцев даже арестовали, но затем их освободили присяжные. Что касается судьбы сотрудника министерства финансов, то Витте дал ему возможность уйти от уголовной ответственности, потребовав от него прошения об отставке. Впрочем, Витте не побоялся, что жесткие действия прибавят к его имени темные пятна. В этом деле Витте выступил в качестве обвинителя взяточничества и недопустимости нарушения чистых коммерческих сделок.

Личное знакомство Лопухина с Витте произошло в 1901 г., но дружбы между ними не возникло. Находясь на службе в жандармском ведомстве, Лопухин наблюдал за деятельностью Витте и, если верить его воспоминаниям, никаких сведений о его политической неблагонадежности не собирал. Напротив, провинциальный взгляд на личность министра Витте приводил Лопухина к разочарованию и даже к недоумению. Прежде всего, Лопухин определил для себя, что министр должен обладать полным набором знаний. Ему казалось, что знания министра, по крайней мере, должны быть выше губернаторских. Об этом он размышлял до знакомства с Витте. Что же демонстрировал Витте? Несомненно, оценка знаний Витте была уничижительной. Ведь министр постоянно приглашал специалистов и советовался в целях «изучения вопроса». Из этого Лопухин сделал вывод, что сумма знаний Витте не отвечает его высокому положению. Юрист Лопухин с превосходством своих знаний по истории восклицает по поводу того, что математик Витте впервые прочитал в 1902 г. книгу по истории крепостного права в России, причем читал не исследование, а курс русской истории Ключевского (учитель истории цесаревича Николая). Он пытается научные достижения Витте не замечать, более того не хочет признавать, что у Витте была ученая степень. Взгляд провинциала А. А. Лопухина показывает, как разнились представления об одном и том же человеке у представителей различных социальных слоев. Например, то, что государственный деятель А. И. Гурко, того же ведомства, что и Лопухин, ставил в заслугу Витте — общение со специалистами, то получило неприятие у директора Департамента полиции А. А. Лопухина. По Лопухину Витте — это необразованная личность, со среднеобывательским уровнем знаний и наивностью взглядов на посту министра¹.

¹ Лопухин А. А. Орывки из воспоминаний по поводу «Воспоминаний гр. С. Ю. Витте. М.; Пг., 1923. С. 68

Возникает вопрос, можно ли доверять отрывкам из воспоминаний Лопухина или не доверять. Насколько известно, Лопухин, несмотря на занимаемую должность начальника Департамента полиции, слыл честным человеком. В общественных кругах его считали «умеренным либералом». Он имел независимое суждение, к его чести он один из первых кто разоблачил институт провокаторства в государственной политике. Лопухин раскрыл имя провокатора Азефа эсеру В. Л. Бурцеву (издатель журнала «Былое»), который находился в эмиграции и занимался разоблачением провокаторов в партийных кругах. Дело оказалось резонансным, как известно, им интересовался государь. В 1909 г. обер-прокурор И. Г. Щегловитов сообщал в письме императору, что отставной действительный статский советник А. А. Лопухин решением суда приговорен сроком на 5 лет каторжных работ. К нему была применена ст. 102 (пп. 1 и 3), 25 и 16 уголовного уложения — разглашение государственной тайны¹. Как видно, ради своей позиции о пагубности для общества на государственном уровне института провокаторства, он пошел на ущерб своим жизненным интересам.

Парадоксально, но заговор протекал настолько открыто, что о нем говорили в журналистских кругах. Так, А. С. Суворин со слов А. А. Столыпина (журналист, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей», брат П. А. Столыпина) записал в своем дневнике его рассказ. Как видно, никто не сомневался, что заговор против министра Плеве с участием кн. Мещерского и Витте имел место быть. Суворин с тревогой сообщает, что дело шло к диктатуре Витте на 4 года. В этой связи сочинено было подложное письмо из провинции, где говорилось, что положение дел отчаянное и только Витте мог бы его поправить. О заговоре говорили открыто и кн. Мещерский выдал все царю (запись 1 августа 1903 г.) [12, с. 374]. Выходит, помимо министра В. К. Плеве, царю о заговоре сообщил и кн. Мещерский.

Между тем неожиданно за кулисами старого режима в печати издаются за 1926 г. воспоминания близкого к Витте известного журналиста Л. М. Клячко (1873–1931, псевдоним — Л. Львов). Он вносит в это дело определенную сумятицу. Клячко подтверждает версию А. А. Лопухина и сообщает с его слов сомнительные детали тех событий, что «за два дня» до собственной отставки Витте был на приеме у царя (значит — в среду), где получил от царя торжественное обещание уволить Плеве. Но в среду этого посещения по природе не могло быть. Клячко мог не знать, что каждый министр приезжал к царю на прием по установленному графику, кроме экстренных случаев. И далее он сообщает: как Плеве, который доносил на Витте при каждом докладе у царя, так и Витте жаловался на Плеве, прося его отставки, а «слабовольный царь» под напором докладчиков «каждому подавал надежду и чуть ли не торжественное обещание устранить врага»². Что же побуждало царя давать такие обещания? Клячко прямо объясняет — «слабовольный» характер царя.

По версии Клячко, очевидно, что Плеве ловко удалось подловить Витте на подложном письме и использовать этот момент, убедив царя подписать указ об отставке Витте³. Того не ведая, Клячко своими запоздалыми воспоминаниями в некотором роде разъяснил ситуацию в пользу Витте. Не подыгрывая Витте, с очевидной долей правды, Клячко показал торопливость решения вопроса об отставке Витте, раскрыл некорректные действия Плеве и царя.

Возникает вопрос, а был ли этот заговор заговором, если о нем знали не только главные действующие лица — Витте, кн. Мещерский, Зубатов — но и первые лица

¹ Из архива И. Г. Щегловитова. Письмо Щегловитова императору Николаю II / Красный архив. Т. 2 (15). М.; Л., 1926. С. 106–107.

² Львов Л. За кулисами старого режима (воспоминания журналиста). Т. 1. Л., 1926. С. 116–117.

³ Там же. С. 117.

государства, министерства и департаментов, провокаторы и журналисты. Безусловно, версия по Лопухину, воссозданная им в соответствии с той информацией, что «сбросил» ему Плеве, а также и журналистские изыскания воспроизводят ход событий, во многом не совпадающий с тем, о чем писал Витте. Можно сомневаться в деталях, но то, что факт приема Зубатова состоялся и Витте в очередной раз, независимо от него самого, оказался замешан в публичном скандале и, как оказалось, на этот раз скандал не стал проходным в его карьере. Ему пришлось расстаться с тем, что он так долго сохранял — империю своей министерской власти.

В большей степени этот пресловутый «заговор» возник в целях дискредитации Витте — это сделали те, кто не в силах был выдержать его успешности. Как говорил Витте, таков был «петербургский режим», объясняя существующий политический климат тем, что одни «травят друг друга ложью и клеветой», ища в этом для себя мимолетные выгоды, другие — легко поддаются на эти наветы (в том числе и государь) [3, с. 221].

Между Витте и Плеве шла неприкрытая борьба, в которой действия Витте могли рассматриваться как враждебные — Витте находился в оппозиции к окружению Николая II. Царя, по сути, беспокоил не сам факт участия Витте против него, Витте как бы уже был в прошлом, а прошлое не могло быть важным. Важно то, что у государя была возможность опираться на свое личное окружение («безобразовцы»), включая министра Плеве. Царь укрепил свои бастионы. Поэтому, узнав о «заговоре», царя могло возмутить именно стремление Витте к собственному возвышению. Возможно, этот момент подтолкнул Николая II к скорой его отставке. К тому же рядом всегда находился Плеве, действовавший на опережение — в четверг (15 августа) на очередном докладе в Петергофе Плеве показал царю «подложное письмо», объясняя государю, чем занимается его министр финансов Витте. Как видно, на стадии передачи Николаю II сведения о Витте были материализованы в виде перлюстрированного письма, как доказательство заговора. Вечером того же дня Витте получил записку с просьбой приехать в Петергоф на доклад. Таким образом, в этом «заговоре» обозначился главный интриган — министр внутренних дел В. К. Плеве, устами которого как раз сценарий заговора был раскрыт.

Впрочем, заключительным аккордом в так называемом «заговоре» явилось то, что Витте, в действительности, получил вечером в четверг — 15 августа 1903 г. записку от царя. В ней сообщалось, что когда он приедет с всеподданнейшим докладом в Петергоф, то должен с собой привезти Плеве [3, с. 242]. У Витте по пятницам всегда был прием у царя. То есть в четверг царь вместе с министром Плеве (или без него — не имеет значения), наконец, принял решение об отставке Витте и даже его замене.

Литература

1. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2000.
2. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990.
3. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 2012.
4. *Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова.* СПб. : Питер, 2015.
5. *Высшие органы государственной власти и управления России IX–XX вв.* Справочник / под ред. А. С. Тургаева. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2000.
6. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. ст. Н. П. Соколова и др. М., 2000.
7. *Кудрина Ю. В.* Императрица Мария Федоровна и император Николай II. Мать и сын. М., 2013.
8. *Мартов С.* Сергей Витте. Первый премьер-министр. Сер.: Путеводитель по истории России. М., 2014.

9. *На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Исследования и публикации.* Т. II. С. Ю. Витте и его современники. СПб., 2014.
10. *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шилов и др. Т. 1. 1896–1903. СПб., 2015.
11. *Сташков Г. В.* Августейший бунт: Дом Романовых накануне революции. СПб., 2013.
12. *Суворин А. С.* Дневник. М., 2015.

References

1. Ananyich B. V., Ganelin R. Sh. Sergey Yulyevich Witte and his time [Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya]. SPb. : «Dmitry Bulanin», 2000. (rus)
2. Bogdanovich A. V. Three last autocrats [Tri poslednikh samoderzhitsa]. M., 1990.
3. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]. V. 2. M., 2012. (rus)
4. *Memoirs of the grand duke Alexander Mikhaylovich Romanov* [Vospominaniya velikogo knyazya Aleksandra Mikhailovicha Romanova]. SPb. : Piter, 2015. (rus)
5. *The supreme bodies of the government and management of Russia in the 19–20th centuries* [Vysshie organy gosudarstvennoi vlasti i upravleniya Rossii IX–XX vv.]. The reference book / under the editorship of A. S. Turgae. SPb. : SZAGS publishing house [Izd-vo SZAGS], 2000. (rus)
6. Gurko V. I. *Lines and silhouettes of the past: The government and the public in Nicholas II's reign in the image contemporary* [Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika] / introduction article of N. P. Sokolov, etc. M., 2000. (rus)
7. Kudrina Yu. V. *Empress Maria Fedorovna and Emperor Nicholas II. Mother and son* [Imperatritsa Mariya Fedorovna i imperator Nikolai II. Mat' i syn]. M., 2013. (rus)
8. Martov S. *Sergey Witte. First prime minister.* Ser.: Guide to history of Russia [Sergei Vitte. Pervyi prem'er-ministr. Seriya: Putevoditel' po istorii Rossii]. M., 2014. (rus)
9. *On a break of eras: S. Yu. Witte's contribution to development of the Russian statehood.* Researches and publications [Na izlome epokh: vklad S. Yu. Vitte v razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti. Issledovaniya i publikatsii]. V. II. S. Yu. Witte and his contemporaries [S. Yu. Vitte i ego sovremenniki]. SPb., 2014. (rus)
10. Nikolsky B. V. *Diary. 1896–1918* [Dnevnik. 1896–1918]. Copy editing of D. N. Shilov etc. V. 1. 1896–1903. SPb., 2015. (rus)
11. Stashkov G. V. *August revolt: House of Romanovs on the eve of the revolution* [Avgusteishii bunt: Dom Romanovykh nakanune revolyutsii]. SPb., 2013. (rus)
12. Suvorin A. S. *Diary* [Dnevnik]. M., 2015. (rus)